

Я З Ы К О З Н А Н И Е

УДК 811.511.143+811.161.1

О. Ю. Динисламова

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХАРАКТЕРА
ЧЕЛОВЕКА В МАНСИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале фразеологических единиц,
характеризующих доброго человека)**

В статье рассматривается языковая репрезентация характера человека в мансийском и русском языках на материале фразеологических единиц (ФЕ), характеризующих доброго человека. В ходе проведённого анализа сопоставлены фразеологизмы, репрезентирующие доброго человека в мансийском и русском языках, с выявлением их лингвокультурных универсалий и этноязыковых уникалий; описаны компоненты семантики и образные внутренние формы, создающие национально-культурную специфику исследуемых фразеологизмов. Материалом для исследования послужили фразеологизмы северного диалекта мансийского языка и русские ФЕ, репрезентирующие доброго человека.

Ключевые слова: фразеологизмы, характер человека, добрый человек, добрый, национально-культурное своеобразие, фразеологизмы мансийского языка, мансийский язык, фразеологизмы русского языка.

Основным принципом изучения языков современная лингвистика считает антропоцентрический принцип, как важное составляющее её звено терминологической системы, в соответствии с которым наиболее полное и адекватное изучение языка тесно связано с духовной жизнью человека, с его мышлением и сознанием.

Очевидно, что основную культурную нагрузку в различиях между языками несёт, в первую очередь, лексический состав в виде слов и словосочетаний. Именно из них складывается ЯКМ, определяющая восприятие мира носителями того или иного языка. Особенно ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками – то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость как результат культурного опыта народа. Глубоко специфический колорит национальных культур отражается в ФЕ в связи с тем, что их развитие тесно связано с окружающим миром. Поскольку в процессе становления мансийский и русский народы сталкивались с реальными условиями жизни, по-разному фор-

мировали свой менталитет, специфический национальный характер, мировосприятие, систему ценностей и т. п., то можно с уверенностью утверждать, что наиболее значительные различия культур манси и русских могут быть обнаружены во фразеологии. По мысли А. В. Кунина, «Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта» [Кунин 1996, 5]. В свете сказанного для проведения настоящего исследования очевиден выбор фразеологического материала.

В статье предпринимается попытка изучения национально-культурной специфики фразеологизмов, описывающих *доброто человека*. В ходе исследования мы основываемся на убеждении в том, что представления людей, что есть для человека *хорошо*, не зависят от его принадлежности к определённой культуре, а имеют общее ядро, содержащее некоторые базовые ценности.

Репрезентация образа *доброто человека* в сопоставляемых языках воплощается через систему прямозначных лексем и комплекс образных выражений разной структурной и семантической организации. В мансийском языке прямозначной лексемой для номинации *доброто человека* является слово *ёмас* 'добрый' [РМС, 2005, 68], 'хороший' [СМРиРМ, 1982, 346]. В словаре Мункачи-Кальмана *Wogulisches Wörterbuch* лексема *james* в переводе с венгерского языка имеет следующие значения: *jó* 'хороший, добрый', *helyes* 'правильный, верный', *szép* 'приятный, прекрасный, хороший', *boldog* 'счастливый', *job* 'лучший', *jókora* 'значительный, порядочный', *jól* 'хороший, правильный'; в переводе с немецкого – *gut* 'хороший, добрый, славный', *richtig* 'правильный', *schön* 'красивый, прекрасный, хороший', *glücklich* 'счастливый', *recht* 'правильный, добрый', *ziemlich groß* 'довольно большой', *wohl* 'хороший, верный' [WW, 1986, 170]. Многозначность данной лексемы позволяет предполагать, что в её значении заложено понятие духовности, то есть она отличается особым ценностным статусом, занимая важное место в любых языковых картинах мира (ЯКМ), включая и мансийскую. Добавим, что для обозначения *доброто человека* в мансийском языке активно используется также слово *сымын* 'сердечный'.

В русском языке при номинации *доброто человека* используются такие прямозначные лексемы, как *добрый*, *добродушный*, *добросердечный*, *душевный*, *сердечный*, *отзывчивый*, *чувствительный*, *милосердный*, *мягкосердечный*, *человеколюбивый*, *добряк* и др.

Материалами данного исследования послужили 32 мансийских и 44 русских ФЕ как средства репрезентации *доброто человека*. Получены они в результате сплошной выборки из следующих источников: мансийские фольклорные тексты – «Именитые богатыри Обского края» [2010; 2012; 2015], «Медвежьи эпические песни манси (вогулов)» [2012], «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [2005], «Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей» [2010]; личная картотека автора статьи, составленная в процессе работы с носителями языка (С. С. Динисламова, В. И. Иванова, Л. Н. Панченко, М. Т. Двинянинова, М. В. Кумаева); фразеологические словари на русском языке: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова [ФСРЛЯ, 2008], «Фразеологический словарь русского языка» под ред.

А. И. Молоткова [ФСРЯ, 1986] и «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова [ФССРЛЯ, 2004].

Лексикографических и фразеологических словарей мансийского языка не существует ввиду практически полного отсутствия исследований в области фразеологии, а также недостаточности теоретического материала, обобщающего данные исследования, что не в последнюю очередь объясняется трудоёмкостью сбора фактического материала из-за экстремально малого числа носителей языка.

Итак, *доброта* в аспекте её оценочности в сознании носителей мансийского и русского языков – это высочайшая, абсолютная, всечеловеческая ценность, причастность к которой наполняет жизнь людей смыслом. Вследствие многогранного понимания доброты классифицировать выражающие её черты характера затруднительно, поскольку характер человека синкретичен. *Доброта* как душевное расположение к людям, благожелательность, отзывчивость и стремление делать добро другим включает в себя целый спектр таких душевных качеств, как сострадание, сопереживание, желание блага, отсутствие порицания, отказ от осуждения попавших в беду, незлопамятность, позитивный взгляд на жизнь и т. п.

Являясь одним из наиболее ценных нравственных качеств, понятие *доброты*, несомненно, вызывает к себе неизменно положительное отношение у всех народов. Так, манси про доброго человека скажут: *сяр мǎньси хурип* ‘хороший, добрый (букв.: совсем на манси похож)’. Данный фразеологизм утверждает, что доброта – качество высоконравственное, присущее человеку любой культуры, а также подчёркивает природную, врождённую доброту мансийского человека.

Добрый человек в мансийском языке может быть репрезентирован такими фразеологизмами, как *акв пǎйтэт этпос, мǎт пǎйтэт хǎтал* ‘добрый (букв.: на одной щеке месяц, на другой щеке солнце)’; *ёмас сымың* ‘добряк (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)’; *сымың хǎтна* ‘добряк (букв.: сердце имеющий человек)’; *сыме рǎгың-посың* ‘добрый (букв.: сердце=его тёплое, светлое)’; *сыме рǎг ѓньси* ‘добрый, внимательный (букв.: сердце=его жар имеет)’; *сǎрниң сым* ‘добрый (букв.: золотое сердце)’; *ласкат сымпа* ‘добрый (букв.: щедрое сердце имеющий)’; *мир ёт мǎсхал ѓлы* ‘добрый, спокойный (букв.: с людьми аккуратно живёт)’; *мир нупыл ёмас сунсы* ‘добрый, спокойный (букв.: на людей хорошо смотрит)’. В русском языке доброта тоже исходит из сердечности, добрый человек представлен следующими ФЕ: *золотое сердце, золотая душа, доброе сердце, добрая душа, человек доброй (добрейшей) души, душа-человек*.

Как видим, мансийские фразеологизмы *ёмас сымың* ‘добряк (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)’ и *сǎрниң сым* ‘добрый (букв.: золотое сердце)’ имеют полные русские эквиваленты: *доброе сердце* и *золотое сердце* – соответственно.

Доброта в сопоставляемых языках отождествляется с уступчивостью, мягкостью, покладистостью, например, в МЯ: *кǎмиңьт сым* ‘добрый, уступчивый, ранимый’ (букв.: мягкое сердце)’; в РЯ – *из мягкого теста*.

Заботливое отношение, внимательность к окружающим людям в мансийском языке могут быть репрезентированы фразеологизмами: *сым ѓнтас вǎрнэ хǎтна* ‘сердечный, сопереживающий, поддерживающий, помогающий человек (букв.: сердечную помощь делающий человек)’; *тав хǎтна нупыл ёмас* ‘добродушный (букв.: он в сторону людей хороший)’.

Душевная щедрость человека в обоих сопоставляемых языках выражается эквивалентными ФЕ *яныг сым* ‘добрый (букв.: большое сердце)’ и ФЕ *человек большого сердца*. В русском языке щедрый человек также предстает как *человек большой души, широкая натура, широкая душа*, то есть с указанием на большой размер, размах. Душевная щедрость в обоих языках характеризуется благородными поступками человека по отношению к окружающим: манс. *сыме миңкве (муйлуптаңкве) вёрми* (букв.: сердце=свое отдать (подарить) может); *лылытэ миңкве вёрми* (букв.: душу=свою отдать может); *юи-ōвыл пұл лōмтэ мыг* (букв.: последний кусочек еды=своей отдаст); *юи-ōвыл ёлысове (алпихар супе) аңхуңкве вёрми* (букв.: последние штаны=свои (нательную рубашку) снять может); *вāннэ ляпат олы* ‘подставляет плечо (букв.: плечо=его близко находится)’; *тав кāтэ такви тактапитэ* ‘оказывать помощь (букв.: он руку=свою сам подаст)’; что сопоставимо с рус. *подставлять плечо, подать (протянуть) руку помощи, снять (снимать) с себя последнюю рубашку, отдавать (отдать) жизнь за кого-либо, идти в огонь и в воду за кого-либо*. Фразеологизмы демонстрируют универсальность мировоззрения народов: и манси, и русские готовы отдать последнее, что имеют, во благо других людей, вовремя оказать поддержку и прийти на помощь.

Нравственная непорочность, чистота помыслов и поступков человека в мансийском языке заключена во фразеологизмах: *сымум систам* ‘искренний, чистый (букв.: сердце=моё чистое)’; *сыме няврам сым хурип* ‘чистый (букв.: сердце=его подобно сердцу ребёнка)’; *тав тиврет систам вит ови* ‘искренний, чистый (букв.: во внутренностях=его чистая вода течёт)’. В русском языке эти же свойства человека репрезентируются такими фразеологизмами, как *ангел непорочный, чист душою, чист сердцем, ничем (ни в чём) не замечен, святая душа, праведная душа, как стёклышко*.

Открытость, искренность человека в мансийской фразеологической картине мира (ФКМ) репрезентирована фразеологизмом *сымет нэматыр люль ат о́нysi* ‘открытый, искренний (букв.: в сердце=своём ничего плохого не имеет)’. В русском языке качества открытости, искренности реализуются как *душа нараспашку, весь как на ладони, весь наружу*.

Доброту человека, его безотказность манси выражают в составе ФЕ *тав лāтың мус олы* ‘безотказный (букв.: он до начала слова живёт)’; в русском языке – посредством фразеологизмов: *ангел без крылышек, палочка-выручалочка*. При этом ФЕ *ангел без крылышек* по отношению к излишне безотказному человеку несёт в себе отрицательную оценку.

Как правило, *добрый человек* обладает такими качествами характера, как незлобивость, спокойность, кротость. Например: *наскасыг пумтар ат манумты* ‘спокойный, добрый (букв.: зря травиночку не сорвёт)’. В русском языке эти качества репрезентированы бóльшим числом фразеологизмов: *ангел доброты (кротости), ангельское сердце, ангельская душа, кроткий как ангел, кроткий как овца, кроткий как голубь, кроткий телёнок, кроткий как ягнёнок, комара (мухи) не обидит, божий одуванчик (о людях преклонного возраста)*.

Слишком кроткий или чересчур спокойный человек может вызывать неоднозначное отношение. Так, мансийские фразеологизмы *аквтоп āкань колт олы* ‘кроткий, тихий (букв.: как будто в кукольном домике живёт (находится))’

и *суптāl-нѐлмтāl хōтна* ‘чересчур тихий, спокойный человек (букв.: безо рта-языка человек)’ – так же, как русские фразеологизмы *красная девица* (о слишком тихом молодом человеке), *воды (водой) не замутишь, тише воды и ниже травы, божья коровка* при репрезентации доброго, кроткого человека имеют одобрительную оценку. Однако кротость, вытекающая из излишней мягкости, слабых характеристик или бесхарактерности, вызывает неодобрение, порой граничащее с презрением. Например: манс. *насмат нāтрип* ‘безвольный, слабовольный (букв.: какая-то тряпка)’; *хўлың нянь* ‘бесхарактерный (букв.: рыбный хлеб)’; *сяр няхсам* ‘бесхарактерный (букв.: совсем как жабы)’; *вōр сяңси* ‘слабохарактерный (букв.: лесной воробушек)’; рус. *мокрая курица, ни рыба ни мясо*.

В каждом естественном языке существуют так называемые ключевые слова – слова, «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [Вежбицка 1999, 282]. Являясь коренными словами того или иного языка, ключевые слова и воплощённые в них концепты (понятия, образы, символы) отражают различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Они сохраняют в своём значении опыт народа, его нравственную позицию, его, как принято говорить, менталитет [Колесов 1999, 112].

Анализ фразеологизмов, объективирующих доброго человека, выявил, что в мансийской ФКМ ключевым словом является *сым* ‘сердце’. Как символически маркированный компонент оно входит в состав 13 фразеологизмов мансийского языка, репрезентирующих доброго человека. В русском языке ключевыми словами являются *сердце* и *душа*. Выявлены 11 фразеологизмов с компонентом *душа* и 5 фразеологизмов с компонентом *сердце*. По определению А. В. Жукова, это – символически маркированные компоненты, «исходное символическое значение которых в той или иной мере удерживается в семантике фразеологизма и достаточно регулярно воспроизводится в целом ряде фразеологических единиц» [Жуков 1996, 41].

Понятие «душа» у манси, номинируемое значительным количеством прямозначных лексем (*ис, лылы, исхор*) и являющееся, безусловно, ключевым словом мансийской культуры, практически не отражена в составе фразеологизмов за исключением ФЕ *лылытэ миңкве вёрми* (букв.: душу=свою отдать может)’. Полагаем, что связано это с тем, что у манси существует весьма сложная и разветвлённая система представлений о душе как о нечто сакральном и, соответственно, табуированном.

Среди символов мансийской и русской культур *сердце* занимает одно из центральных мест, обозначая глубинные основания и полноту человеческого существования. В обеих исследуемых культурах оно понимается в возвышенном смысле, как основа телесного, душевного и духовного существования человека. Будучи одновременно материальным и нематериальным, пространственным и непространственным, *сердце* воплощает в себе духовное и душевное состояние материи.

Душа же – средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, т.е. всего жизненно важного. С точки зрения этики *душа* – носитель этического идеала, соответствие которому ценнее всех материальных благ. Понятие «души», по словам Т. Б. Радбиля, тесно связано с *идеей* воздуха, дыхания, которая подверглась «мифологическому метафорическому переосмыслению на

базе обычного переноса семантики физической сущности на психическую» [Радбиль 2010, 237–238]. Душа связывает человека с высшим духовным началом как орган, помогающий человеку ощутить мистический, потусторонний мир.

Сердце в образной ФКМ манси, а также *сердце* и *душа* в русской ФКМ при описании доброго человека обладают определёнными физическими свойствами (температурой, объёмом/размером), созданы из различных материалов с определёнными характеристиками (цвет) и качествами. Так, посредством данных компонентов во фразеологизмах реализуется *предметная метафора*.

Сердце как предмет, имеющий температуру, показывает нам степень эмоционального напряжения, отсутствие/наличие чувств. В мансийском языке фразеологизмы с компонентом *сердце* наделяют его температурными характеристиками, репрезентируют через него образ *доброго человека*: *сыме рёгың-посың* ‘добрый (букв.: сердце=его тёплое, светлое)’; *сыме рёг õньси* ‘добрый, внимательный (букв.: сердце=его жар имеет)’. Фразеологизм *горячее сердце* с указанием температуры для репрезентации доброго человека не используется. В русском языке положительная температура сердца репрезентирует пылкого, страстного человека, способного к сильным чувствам, переживаниям.

Сердце в ЯКМ мансийского и русского языков, как и *душа* в русском языке, обладает размером. В мансийском языке при описании доброго человека используется фразеологизм *яныг сым* ‘добрый (букв.: большое сердце)’. В русском языке также используются фразеологизмы с указанием на большой размер сердца и души: *человек большого сердца*, *человек большой души*.

Сердце в мансийском и в русском языках, а также *душа* в русском языке уподобляются золоту: манс. *сõрниң сым* ‘добрый (букв.: золотое сердце)’, рус. *золотое сердце*, *золотая душа*, что говорит не только о *ценности* сердца, но и о метафорическом образе *огня*, поскольку цвет золота подобен цвету пламени, горящего в груди доброго человека. Таким образом, уподобление *сердца золоту* как материалу и цвету говорит о добром, отзывчивом человеке, наделённом высокими душевными качествами.

В сопоставляемых языках *сердце* (а в русском языке и *душа*) имеет схожее качество – *чистоту*, образно связанную с искренним отношением к людям, отсутствием порочных мыслей и мнений об окружающих: манс. *сымум сыстам* ‘искренний (букв.: сердце=моё чистое)’; рус. *чист сердцем*, *чист душою*. В основе метафоры – перенос, опирающийся на символизацию определённых чувственных ощущений: *чистое* как символ добродетели контрастирует с *грязным* – символом порока.

Помимо *чистоты* в мансийском языке сердце как образ обнаруживает ещё одно качество – *мягкость*, что выражено фразеологизмом *кåминьт сым* ‘добрый, уступчивый, ранимый’ (букв.: мягкое сердце)’. В русском же языке *мягкость* человека репрезентируется не в образе мягкости сердца, а в виде мягкости теста: см. фразеологизм *из мягкого теста*. Как видим, образная основа в обоих фразеологизмах весьма близка: *доброта* человека реализуется через качество мягкости, эластичности, пластичности, податливости.

Антропоморфная метафора в сознании носителей мансийского и русского языков выявляется отождествлением *сердца* с *человеком*: «сердце – человек»,

а также в русском языке отождествлением *души* с *человеком*: «душа – человек»: манс. *ласкат сымпа* ‘добрый (букв.: щедрое сердце имеющий)’; ёмас *сымың* ‘добряк (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)’; рус. *доброе сердце, злое сердце; добрая душа, душа-человек, человек доброй (добрейшей) души*.

В мансийском языке ФЕ могут характеризовать доброго человека через наличие у него сердца; например: манс. *сымың хѳтпа* ‘добряк (букв.: сердце имеющий человек)’. В русском языке аналогии не обнаружено.

В ходе исследования в мансийском языке выявлена одна ФЕ, содержащая *метафору вместилища* с ключевым словом культуры *сердце*: *сыме рег оньси* ‘добрый, внимательный (букв.: сердце=его жар имеет)’, где *сердце* представлено в образе очага, печки. Также метафора вместилища в языке обнаруживает себя во фразеологизмах *тав тѳврет сыстам вит ѳви* ‘искренний, чистый (букв.: во внутренностях его чистая вода течёт)’; *сымет нѳматыр лѳль ат ѳньси* ‘открытый, искренний (букв.: в сердце=своём ничего плохого не имеет)’. В русском языке эта метафора реализуется во фразеологизме *душа нараспашку* как образ некоего помещения (дома, комнаты).

Кроме того, в русском языке при репрезентации *доброго человека* выявлены фразеологизмы: *высокая душа, человек высокой души, широкая душа*, – образное представление которых основано на *пространственной метафоре*: *высокое* символизирует в языке добродетель, чистоту, достоинство; *широкое* выражает размах, «масштаб» души; символизирует доброту, душевную щедрость человека. В мансийском языке фразеологизмов с пространственной метафорой при описании доброго человека не обнаружено.

Вышеприведённые примеры с ключевым словом *сердце* показывают, что обе лингвокультуры выражают полную смысловую корреляцию как показатель общей культуры, т. е. универсального мировидения: единой логики мышления мансийского и русского народов; как общая картина мира, в основе которой заложено единство представлений и образов. Обнаружены фразеологизмы, совпадающие по компонентному составу и общей оценке, но отличающиеся, тем не менее, в оттенках чувств, выражаемых ими. Таким образом, понятие *сердце* в составе исследуемых фразеологизмов при репрезентации доброго человека – универсальное для обоих языков.

В то же время в ряде фразеологизмов мансийского и русского языков со стержневым компонентом *сердце* для описания доброго или злого человека обнаруживается их национально-культурное своеобразие. Например, в мансийском фразеологизме *сыме рѳгың-посың* ‘добрый (букв.: сердце=его тёплое, светлое)’, помимо указания на положительную температуру присутствует указание на сердце как *источник света*. Положительная характеристика доброго человека метафорически связывается с образной коннотацией наличия света, освещённости, излучаемых сердцем, чего не наблюдается в русском языке.

Национально-культурное своеобразие русских фразеологизмов с компонентами *душа* и *сердце* и обозначением доброты человека заключается в том, что в своей структуре они часто содержат компонент *ангел*, как сверхъестественное существо, посланник и исполнитель воли Бога на земле, репрезентирующий представление русского народа о доброте и кротости: *ангел без крылышек, ан-*

гел доброты (кротости), ангел непорочный, кроткий как ангел. Этот компонент обнаруживается также во фразеологизмах с компонентами *сердце* и *душа*: *ангельское сердце*, *ангельская душа*. Значение их мотивировано ярким фразеологическим образом, основанным на метафорическом уподоблении человека ангелу. Ангелы – «духи бестелесные (потому невидимые) и бессмертные, как и наши души; но их Бог одарил более высокими силами и способностями, чем человека. Ум их совершеннее нашего. Они всегда исполняют волю Божию, они безгрешны, и теперь благодатью Божией так утвердились в делании добра, что и грешить не могут [Закон Божий 2003, 41]. Данные фразеологизмы восходят к традиционным христианским мифологическим и религиозным представлениям русского народа, согласно которым ангелы являются бесплотными существами, созданными богом и служащими ему. Считается, что ангелы воюют на стороне бога, охраняют праведников и переносят их души в рай, являются людям как вестники от бога, чтобы сообщить его волю.

Ещё одна отличительная черта исследуемых языков – это наличие в русском языке фразеологизмов, связанных с христианским мировоззрением: *праведная душа*, *святая душа*, *иродова душа*.

Таким образом, ФЕ, репрезентирующие доброго человека посредством исследуемых ключевых слов культуры, имеют в своем компонентном составе и национально-культурный компонент: маркированность национальной специфики проявляется наличием специфических для данного народа слов, входящих в состав фразеологизмов.

Итак, фразеологизмы с ключевым словом культуры *сердце* для обоих языков, а также – с ключевым словом *душа* для русского языка, являются важными составляющими их ЯКМ и отражают специфику их восприятия. Понятие *душа* в русском языке неразрывно связано с моральными характеристиками и «тяготееет» к сердцу, поэтому *душа* и *сердце* в русских фразеологизмах часто составляют один ряд. В мансийском языке понятие *душа*, номинируемое значительным количеством лексем, которые являются ключевыми словами мансийской культуры, за единичным исключением, не входит в состав фразеологизмов, репрезентирующих доброго человека.

Здесь отметим, что *сердце* в обоих исследуемых языках и *душа* в русском языке являются также наиболее продуктивными и частотными *соматическими компонентами*, лежащими в основе образования ФЕ при репрезентации доброго человека.

В силу своей универсальности, обусловленной онтогенетическими функциональными свойствами частей тела человека, соматизмы являются важными компонентами в составе фразеологизмов исследуемых языков. Употребление их в составе ФЕ в значительной степени определено тем, что они представляют собой один из древнейших пластов, непосредственно связанных с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражающих культурно-антропологические особенности индивидов, принадлежащих к тем или иным языковым сообществам. Соматизмы входят в ядро основного состава словарного фонда языка, который складывался в течение многих тысячелетий и который отображает не только знания носителей речи об окружающем мире, но и их представления о себе и о своем организме.

Группа соматизмов, как одних из самих архаичных и стойких к изменениям компонентов лексической системы, всегда использовалась и используется при решении многих важных проблем истории языка, в частности для установления родства языков. Эта тематическая группа нагляднее всего демонстрирует процесс образования вторичных значений, связанных с человеческой деятельностью.

В состав фразеологизмов мансийского языка, выражающих добрый характер человека, входят наименования таких частей тела как:

сым ‘сердце’ (*Сясёкватэ кăсың хōтна янытлы, тав сōрниң сымпа* ‘Его бабушка каждого человека возвеличивает, она очень добрая (букв.: Бабушка=его по отцу каждого человека возвеличивает, она золотосердечная)’;

кйвырт (тйвырт) ‘внутренности’ (*Наң сьс пāлынт тав лйоль лāтың ат лāви, тйврет сыстам вит ови* ‘За спиной он плохого ничего не скажет, потому что он искренний (букв.: За твоей спиной он плохое слово не скажет, во внутренностях=его чистая вода течёт)’;

пāйт ‘щека’ (*Лāвегыт, ойка нййтыг олыс, аквтон акв пāйтэт этпос, мōт пāйтэт хōтал, тав мир пусмалтас* ‘Говорят, мужчина шаманом был, очень добрым был, людей исцелял (букв.: Говорят, мужчина шаманом был, словно на одной щеке месяц, на другой щеке солнце было, людей исцелял)’;

лылы ‘душа’ (*Нйвrame мāгыс лылытэ миңкве вёрми* ‘Ради своего ребёнка душу отдаст (букв.: Для ребёнка=своего душу=свою отдать может)’;

вāңн ‘плечо’ (*Юртум эрнэ порат вāңнэ ляпат олы* ‘Мой друг в нужную минуту всегда подставит плечо (букв.: Друга=моего в необходимое время плечо близко находится)’;

кāt ‘рука’ (*Тав сяннен тох та янмалтыма, кātэ такви тактапитэ* ‘Его мать так воспитала, что он всегда окажет помощь (букв.: Его мама=его так вырастила, руку=свою сам подаёт)’.

В русском языке в состав исследуемых фразеологизмов при номинации доброго человека входят соматизмы *сердце, душа, ладонь, крыло, плечо, рука*. Таким образом, *сердце, душа, плечо, рука* являются универсальными соматизмами для обоих исследуемых языков. Отметим, что фразеологизмы, имеющие в своём составе соматические компоненты, относятся к древнейшему слою фразеологии мансийского и русского языков и составляют наиболее выразительную и употребительную его часть.

Рассмотрим, как функционируют *компоненты-зоонимы* в составе фразеологизмов обоих языков при репрезентации доброго человека.

Тесно сосуществуя в процессе своего становления и развития с животными, человек никогда не обходился без них. Животные были мерилом многих человеческих качеств, физических и нравственных. Сравнивая животных с человеком, подмечая их поведение, повадки и наблюдая за ними, люди переносили их свойства на человека, что сказывалось на том, что образы животных заняли прочное место в построении ФЕ каждого развитого языка. Семантическая структура таких фразеологизмов возникает на основе ассоциативных связей. Как отмечает А. Д. Шмелёв, связь между человеком и животным «основана на ассоциативных, репрезентативных признаках, связанных со словом в его основном значении» [Шмелёв 1973, 231].

Необходимо отметить, что в составе фразеологизмов мансийский и русский народы склонны отмечать отрицательные черты чаще, чем положительные. Фразеологизмов, объективирующих добрый характер человека, в русском языке на порядок меньше. В мансийском языке на данный момент ни одного фразеологизма с зоонимическим компонентом, прямо указывающего на положительные черты характера человека, нами зафиксировано не было. Такие компоненты обнаружены лишь в составе фразеологизмов, репрезентирующих кротость характера, вытекающую из излишней мягкости, тихости, слабохарактерности или бесхарактерности человека: *вӧр ся҅си* ‘тихий, слабохарактерный (букв.: лесной воробушек)’ и *хӱлы҅н нянь* ‘бесхарактерный (букв.: рыбный хлеб)’. В русском языке довольно много разнообразных названий животных в составе фразеологизмов, описывающих кроткого человека: *кроткий, как голубь; кроткий, как овца; кроткий, как телёнок; кроткий, как ягнёнок; комара (мухи) не обидит; божья коровка*. И в мансийском, и в русском языках зоонимические компоненты находят отражение в составе фразеологизмов, репрезентирующих слабохарактерных или бесхарактерных людей: *мокрая курица, ни рыба ни мясо*.

Подытоживая вышесказанное, можно прийти к выводу, что во фразеологизмах с компонентом-зоонимом *рыба* при репрезентации чересчур доброго (до слабохарактерности) человека присутствует универсальное, общечеловеческое мировидение манси и русских как признак общности в их языковом сознании. Универсальным для описания кроткого человека в обоих языках предстает образ птицы (воробушек, голубь, курица).

Наряду с общекультурным компонентом-зоонимом выявлены зоонимические компоненты с оттенками национально-культурной специфики и связанные с этнически маркированными элементами языкового сознания. Несовпадение их может быть обусловлено географическими условиями, мировосприятием народов, ценностями культур и особенностями бытовой жизни. Таким образом, семантические свойства исследуемых ФЕ зависят от семантики зоонима, отражающей обиходно-эмпирический, исторический и культурный опыт манси и русских, их национальный менталитет и своеобразие оценки окружающего мира.

Отсутствие фразеологизмов мансийского языка, содержащих в составе зоонимический компонент при репрезентации доброго человека, мы находим в объяснении, основанном на анимизме как системе традиционных представлений манси об окружающем мире, согласно которым большое количество животных, включая птиц и насекомых, являются священными. Тотемистические представления манси предполагают веру в родство той или иной группы кровных родственников (рода) с различными животными (медведь, волк, лошадь, кошка, лиса, бобёр, горноста́й, журавль, лебедь, гусь, сова, филин, чайка, ворон, гагара, синица, лягушка, стрекоза, паук, жук, комар, дождевой червь и др.), в связи с чем формируются различные варианты их почитания и даже культы. Соответственно существуют запреты не только убивать и употреблять их в пищу, но и использовать их наименования в обыденной речи без лишней необходимости.

Следующими, не менее важными лексическими компонентами, участвующими в образовании фразеологизмов любого языка, являются наименования мифологических, фольклорных и религиозных персонажей.

На сегодня в мансийском языке при репрезентации *доброто человета* нам не удалось зафиксировать каких-либо фразеологизмов с вышперечисленными наименованиями в своём составе, тогда как при репрезентации *злого человета* подобные фразеологизмы имеются (ср. *кантын Танварпэква* ‘злая, сердитая женщина (букв.: злая Танварпэква)’; *тэнэ-айнэ куль* ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий куль)’).

В русском языке для описания доброго человека была выделена довольно немногочисленная группа фразеологизмов, имеющих в своём составе рассмотренный выше компонент *ангел*, а также два фразеологизма с компонентом *бог*: *божий одуванчик*, *божья коровка*. Бог, являясь смыслообразующим ядром большого количества фразеологизмов, пословиц и поговорок русского языка, отражает монотеистическое представление христиан о единственном и всемогущем создателе Вселенной. В мансийском языке упоминание богов любого ранга без крайней необходимости находится под запретом.

Этноязыковые универсалии и культурно-значимые ментальные различия сопоставляемых языков при описании доброго характера человека могут проявляться посредством ряда иных образных основ, лежащих в основе исследуемых в статье фразеологизмов. Так, в состав фразеологизмов мансийского и русского языков могут включаться:

предметы и объекты быта, хозяйства: манс. *аквтоп айкань колт олы* ‘кроткий, тихий (букв.: как-будто в кукольном домике живёт (находится)’; *тав тиврет сытам вит ови* ‘искренний, чистый (букв.: во внутренностях=его чистая вода течёт)’; рус. *палочка-выручалочка*, *идти в огонь и в воду за кого-либо*, *воды (водой) не замутишь*;

продукты питания: манс. *юи-овыл пул ломтэ мыг* (букв.: последний кусочек еды=своей отдаст); рус. *из мягкого теста*;

предметы одежды: манс. *юи-овыл ёлысове (алпихар супе) аңхуңке вёрми* (букв.: последние штаны=свои (нательную рубашку) снять может)’; рус. *снять (снимать) с себя последнюю рубашку*;

фитонимы: манс. *наскасыг пумтар ат манумты* (букв.: зря травиночку не сорвёт)’; рус. *тише воды и ниже травы*, *божий одуванчик*;

материалы: манс. *сёрниң сым* ‘добрый (букв.: золотое сердце)’; рус. *золотая душа*, *золотое сердце*, *как стёклышко*.

Также в мансийском языке в составе исследуемых фразеологизмов были зафиксированы такие образные основы, как *космические тела*: *акв пайтэт этпос*, *мёт пайтэт хотал* ‘добрый (букв.: на одной щеке месяц, на другой щеке солнце)’; *физические явления*: *сыме рег оньси* ‘добрый, внимательный (букв.: сердце=его жар имеет)’; *сыме рёгың-посың* ‘добрый (букв.: сердце=его теплое, светлое)’; *детский возраст*: *сыме няврам сым хурип* ‘чистый (букв.: сердце=его подобно сердцу ребёнка)’.

Очевидно, что в исследуемых языках при репрезентации доброго человека используются аналогичные виды образных основ. Исключения составляют отсутствие религиозных и мифологических персонажей в составе ФЕ мансийского языка, а также отсутствие таких образных основ, как космические тела, физические явления, возраст в русском языке. Однако, несмотря на внешнее сходство вышпе-

речисленных образных основ языков и даже их частичное совпадение, в большей части случаев выявляется их лексическое, а также коннотативное несоответствие.

Таким образом, результаты проведённого исследования подтверждают, что в ФКМ в полной мере реализуется принцип антропоцентризма, поскольку представляет собой образное картирование действительности и самого человека как её части в призме национального восприятия.

Отметим, что список фразеологизмов мансийского и русского языков, исследуемых в данной статье, не является окончательным и закрытым, так как пополнение поля «характер человека» новыми языковыми единицами, провоцируемыми неугасающей экспрессией, не прекращается в настоящее время и, безусловно, будет осуществляться впредь в обоих языках ввиду их постоянного и непрерывного развития.

Данные, полученные в результате анализа мансийской и русской фразеологии, позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, фразеология как составная часть ЯКМ – это один из значимых источников интерпретации характера человека в плане реализации его национально-культурной специфики. Во-вторых, понятие *добрый* в обоих языках обнаруживают высокую степень языковой репрезентации на фразеологическом уровне, что свидетельствует о значимости *доброты* в обеих ЯКМ. В-третьих, анализ фразеологического фонда мансийского и русского языков при репрезентации *доброто характера человека* выявил универсальные для обоих исследуемых языков лексические компоненты: ключевые слова культуры (*сым* ‘сердце’ в мансийском; *сердце, душа* в русском языках), зоонимические компоненты и соматизмы. Кроме того, в русском языке выделена немногочисленная часть фразеологизмов, имеющих в своём составе лексические компоненты, содержащие наименования мифологических и религиозных персонажей (*ангел, бог*). В-четвёртых, анализ фразеологизмов, репрезентирующих добрый характер человека, позволил выделить биоморфную (включая антропоморфную, зооморфную и фитоморфную метафоры), предметную метафоры и метафору вместилища, являющиеся универсальными для мансийского и русского языков. В мансийском языке, в отличие от русского языка, фразеологизмов с пространственной метафорой при описании доброго человека на данный момент не обнаружено.

В составе исследуемых фразеологизмов в обоих языках наиболее продуктивными являются субстантивные и адъективные фразеологизмы. В составе субстантивных фразеологизмов используются следующие имена существительные:

В мансийском языке: *пайт* ‘щека’, *этнос* ‘месяц’, *хотал* ‘солнце’, *сым* ‘сердце’, *мир* ‘народ, люди’, *пумтар* ‘травиночка’, *хотпа* ‘человек’, *няврам* ‘ребёнок’, *рег* ‘жар’, *маньси* ‘манси’, *латын* ‘слово’, *тиврет* ‘внутренности’, *вит* ‘вода’, *акань* ‘кукла’, *кол* ‘дом’, *лылы* ‘душа’, *пул* ‘еда’, *ломт* ‘кусочек’, *ёлысов* ‘штаны’, *суп* ‘одежда, рубашка’, *вайн* ‘плечо’, *кат* ‘рука’, *нянь* ‘хлеб’, *няхсам* ‘жабры’, *суп* ‘рот’, *нёлм* ‘язык’, *натрип* ‘тряпка’, *сянси* ‘воробей’.

В русском языке: *ангел, крылышки, доброта (кротость), сердце, душа, одуванчик, человек, ладонь, тесто, стёклышко, комар (муха), голубь, овца, телёнок, ягнёнок, палочка, выручалочка, человек, натура, плечо, рука, помощь, рубашка, жизнь, огонь, вода, коровка, девица, трава, курица, рыба, мясо.*

Имена существительные *сердце, душа, трава, человек, вода, рубашка, плечо, рука* являются лингвокультурными универсалиями в обоих сопоставляемых языках.

В составе адъективных фразеологизмов используются имена прилагательные, описывающие различные свойства, качества и признаки:

В мансийском языке: *ёмас* ‘хороший (добрый)’, *кăминьт* ‘мягкий’, *ласкат* ‘щедрый’, *рѣгың* ‘тёплый (горячий)’, *посың* ‘светлый’, *сыстам* ‘чистый’, *сѳрнѳң* ‘золотой’, *яныг* ‘большой’, *юи-ѳвыл* ‘последний’, *алпихар* ‘нательный’.

В русском языке: *непорочный*, *ангельский*, *божий*, *добрый (добрейший)*, *золотой*, *мягкий*, *кроткий*, *праведный*, *святой*, *большой*, *чистый*, *широкий*, *последний*, *красный*.

Имена прилагательные *хороший (добрый)*, *мягкий*, *золотой*, *большой*, *чистый* и *последний* являются лингвокультурными универсалиями в обоих сопоставляемых языках.

Менее продуктивными и частотными в обоих исследуемых языках являются глагольные фразеологизмы, где глаголы преимущественно выступают в качестве опорных, а не смысловых компонентов:

В мансийском языке: *ѳлункве* ‘жить’, *сунсункве* ‘смотреть’, *манумтанкве* ‘срывать’, *ѳньсюнкве* ‘иметь’, *овункве* ‘течь’, *миңкве* ‘отдавать’, *аңхуңкве* ‘снять, снимать’, *тактуңкве* ‘подавать, давать’.

В русском языке: *(не) обидеть*, *(не) замечать*, *подставлять*, *подать (протянуть)*, *снять (снимать)*, *отдавать (отдать)*, *идти*, *(не) замутить*.

Глаголы со значением *отдавать (отдать)*, *снять (снимать)* являются универсальными для обоих исследуемых языков.

Исследование позволило установить, что наиболее многочисленными базовыми лексемами-репрезентантами доброго человека в составе мансийского языка являются лексемы: *сым* ‘сердце’ и *ёмас* ‘добрый, хороший’; в русском языке – лексемы *душа*, *сердце* и *ангел*. Так, в ходе анализа было выяснено, что 13 из 28 фразеологизмов мансийского языка имеют в своём составе лексему *сым* ‘сердце’, что составляет 46,4 % от общего числа фразеологизмов, прямо характеризующих доброго человека; 11 из 42 фразеологизмов русского языка – лексему *душа* (26,2 %), 5 фразеологизмов – лексему *сердце* (12 %), 5 фразеологизмов – лексему *ангел* (14,3 %). Данная статистика свидетельствует о том, что фразеологизмы с ключевым словом культуры *сердце* для обоих сопоставляемых языков, а также фразеологизмы с ключевым словом культуры *душа* для русского языка, являются важными составляющими их ЯКМ и отражают специфику их восприятия. Универсально это связано с тем, что соматическое и народное представления обоих языковых сообществ сливаются воедино. Ключевое слово русской культуры *душа* неразрывно связано с моральными характеристиками, поэтому *душа* и *сердце* в русских фразеологизмах часто употребляются в одном ряду. В мансийском языке ключевое слово культуры *лылы* ‘душа’, за единичным исключением, не находит отражения в составе фразеологизмов при репрезентации доброго человека. *Ангел*, представляемый посланником и исполнителем воли Бога на земле, воплощает своим кротким, добрым образом представления русского народа о непорочности, невинности, чистоте и добродетели.

Наконец, в целом можно говорить о значительном сходстве семантики рассмотренных фразеологизмов в мансийском и русском языках. К чертам национальной специфики можно отнести неравномерность распределения фразеологизмов по некоторым группам, а также наличие групп, включающих в себя фразеологизмы только одного языка.

Анализ фразеологизмов, характеризующих добрый характер человека, позволяет констатировать, что его оценочная номинация более обширно представлена в русском, чем в мансийском языке. В то же время русская ФКМ располагает большим количеством средств для репрезентации доброго человека. Основная причина этого – в различном членении носителями языков объективной действительности. Так, некоторые жизненные реалии могут иметь большее значение для представителей мансийского народа, но иначе воспринимаются или переосмысливаются русским народом. Это обусловлено различиями в перцепции окружающей действительности, также особенностями менталитетов, национальных характеров, систем ценностей в культурно-историческом наследии, образе мышления и др.

СОКРАЩЕНИЯ

манс. – мансийский язык; *рус.* – русский язык; ФЕ – фразеологическая единица; ЯКМ – языковая картина мира; ФКМ – фразеологическая картина мира.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. 648 с.

Жуков А. В. Переходные фразеологические явления в русском языке. Новгород: НовГУ, 1996. 132 с.

Закон божий для семьи и школы / Сост. Протоирей Серафим Слободский. Н. Новгород: Братство во имя св. князя Александра Невского, 2003. 628 с.

Именитые богатыри Обского края. Книга вторая. Ханты-Мансийск: Изд-во Югра-фика. 2012. 171 с.

Именитые богатыри Обского края. Книга третья. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 204 с.

Именитые богатыри Обского края. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 150 с.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

Медвежья эпические песни манси (вогулов) / Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 658 с.

Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).

Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 328 с.

РМС – Русско-мансийский словарь: учеб. пособие для учащихся 5–9 кл. общеобраз. учрежд.: СПб.: ООО «Миралл», 2005. 360 с.

СМРиРМ – Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: Пособие для учащихся начальной школы. Л.: Просвещение, 1982. 360 с.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. Москва: Астрель, АСТ, 2008. 880 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: в 2 т. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта, Наука, 2004. 830 с.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.

WW – Munkácsi Bernát. Wogulisches Wörterbuch / B. Munkácsi, B. Kálmán. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – 950 lap.

Поступила в редакцию 30.05.2018

Динисламова Оксана Юрисовна,
научный сотрудник,

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»
628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14А
e-mail: o.dinislamova@yandex.ru

O. Yu. Dinislamova

Linguistic representation of human character in the Mansi and Russian languages (on material of phraseological units characterizing a kind person)

The article considers the linguistic representation of human character in the Mansi and Russian languages on the material of phraseological units characterizing a kind person. In the course of the analysis, the phraseological units representing a kind person in the Mansi and Russian languages are compared and their universal and unique characteristics are revealed; the components of semantics and metaphorical internal forms creating the ethnic cultural features of the phraseological units are described. The materials of the research are the phraseological units of the Northern dialect of the Mansi language and Russian phraseological units representing a kind person.

Keywords: phraseological units, human character, a kind person, kind, ethnic cultural features, phraseological units of the Mansi language, the Mansi language, phraseological units of the Russian language, the Russian language.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 3, pp. 6–21. In Russian.

REFERENCES

Wierzbicka A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow, Yazyki russoj kul'tury Publ., 1999. 780 p. In Russian.

Geroicheskij ehpos mansi (vogulov): Pesni svyatykh pokrovitelej [The Mansi heroic epic: sacred patrons' songs]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, OOO «Print-Klass» Publ., 2010. 648 p. In Mansi, Russian.

Zhukov A. V. *Perekhodnye frazeologicheskie yavleniya v russkom yazyke* [Transitive phraseological phenomena in the Russian language]. Novgorod, NovGU Publ., 1996. 132 p. In Russian.

Zakon bozhij dlya sem'i i shkoly [God's law for the family and school]. Comp. by archpriest Serafim Slobodskiy. N. Novgorod, Bratstvo vo imya sv. knyazyza Aleksandra Nevskogo Publ., 2003. 628 p. In Russian.

Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga vtoraya [The Eminent Bogatyrs of the Ob land. The second book]. Khanty-Mansiysk, Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 171 p. In Russian, Hungarian, Mansi.

Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga tret'ya [The Eminent Bogatyrs of the Ob land. The third book]. Khanty-Mansiysk, Yugorskij format Publ., 2015. 204 p. In Russian, Hungarian, Mansi.

Imenitye bogatyri Obskogo kraya [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands]. Khanty-Mansiysk, IITS YUGU Publ., 2010. 150 p. In Russian, Hungarian, Mansi.

Kolesov V. V. «Zhizn' proiskhodit ot slova» [«Life comes from the word»]. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 368 p. In Russian.

Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremenno anglijskogo yazyka: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. 2-e izd., pererab.* [Course in the phraseology of modern English: Textbook for institutes and faculties of foreign languages, 2nd edition, revised]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., Dubna, Feniks Publ., 1996. 381 p. In Russian.

Medvezh'i ehpichekieskie pesni mansi (vogulov) [The Bear epic songs of the Mansi (Voguls)]. Ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, Print-Klass Publ., 2012. 658 p. In Mansi, Russian.

Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov) [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005. 475 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 26) [Monuments of folklore of the people of Siberia and the Far East. Vol. 26]. In Mansi, Russian.

Radbil' T. B. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: ucheb. posobie* [Basics of language mentality research: a textbook]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2010. 328 p. In Russian.

Russko-mansijskij slovar': Ucheb. posobie dlya uchashhikhysya 5–9 kl. obshheobraz. uchrezhd. [Russian-Mansi dictionary: Textbook for students of 5–9 forms of the educational institutions]. Saint-Petersburg, OOO «Mirall» Publ., 2005. 360 p. In Russian, Mansi.

Slovar' mansijsko-russkij i russko-mansijskij: Posobie dlya uchashhikhysya nachal'noj shkoly [Mansi-Russian and Russian-Mansi Dictionary: Handbook for primary school students]. Comp. by E. A. Rombandeeva, E. A. Kuzakova. Leningrad, Prosveshhenie Publ., 1982. 360 p. In Russian.

Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinits [Phraseological dictionary of Russian literary language: approx. 13000 phraseological units]. Ed. by A. I. Fedorov. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008. 880 p. In Russian.

Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1986. 543 p. In Russian.

Frazeologicheskij slovar' sovremenno russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35000 frazeol. edinic: v 2 t. [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: more than 35,000 phraseological units: in 2 volumes]. Ed. by A. N. Tikhonov. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. 830 p. In Russian.

Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 280 p. In Russian.

Munkácsi Bernát. *Wogulisches Wörterbuch* / B. Munkácsi, B. Kálmán. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – 950 lap. In Mansi, Hungarian, German.

Received 30.05.2018

Dinislamova Oksana Yurievna,
Researcher,

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
14A, ul. Mira, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation
e-mail: o.dinislamova@yandex.ru